

Мотивационные отношения в глагольной лексике говоров Русского Севера

Многочисленные исследования говоров русского языка, а также наши наблюдения над лексическими материалами, зафиксированными картотекой «Словаря говоров Русского Севера», хранящейся на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского университета, дают возможность сделать вывод, что среди единиц диалектной речи, обладающих лексической мотивированностью, наибольший процент, бесспорно, приходится на долю тех, которые выражены именем существительным. Языковое сознание диалектоносителя направлено в первую очередь на то, чтобы обозначить реалии окружающей его действительности, т.е. дать наименования предметам обихода, объектам и субъектам трудовой деятельности, явлениям природы и т.п., основываясь в процессе номинации на их признаках, качествах, способах и методах функционирования. В качестве мотиваторов для глаголов – единиц, служащих обозначением процессов и действий, – чаще всего выступают существительные и другие глаголы (гораздо реже – иные части речи), и нельзя не отметить, что общее количество лексически мотивированных глаголов в говорах Русского Севера заметно меньше количества лексически мотивированных существительных, поскольку, основываясь на данных таблиц частеречной принадлежности слов-мотиватов, тип соотношения мотиватов «глагол → существительное» значительно преобладает над типом «существительное → глагол»⁴¹.

Среди лексически мотивированных глаголов, имеющих распространение в говорах Архангельской и Вологодской областей, прежде всего обращают на себя внимание те, которые обозначают процесс трудовой или промысловой деятельности, осуществляемый при помощи какого-либо предмета, специального приспособления, орудия труда или же снасти. Приведем несколько примеров подобных глаголов:

---

⁴¹ См. об этом: Мотивационный диалектный словарь. Говоры среднего Приобья. Томск, 1983. Т.2. С.155–157; Наумов В.Г. Мотивационные отношения и типы их актуализации (на материале нарымского говора) // Вопр. словообразования в индоевропейских языках. Томск, 1983. С.69.

воробить ‘наматывать нитки на воробы’ – лексическим мотиватором (ЛМ) служит лексема **воробы** ‘приспособление для намотки ниток’; **воротить** ‘вытаскивать лодку на берег с помощью ворота’, где ЛМ – **ворот** ‘род лебедки, при помощи которой вытаскивают лодку на берег’;

езить ‘устанавливать поперек реки специальную перегородку, служащую для ловли рыбы’; ЛМ – **ез** ‘перегородка из прутьев и палок, возле которой устанавливают ловушки на рыбу на реке’;

зарочить ‘остановить сплавной плот специальным шестом’; ЛМ – **роч** ‘шест, которым тормозят или останавливают плот’;

засошить ‘зачалить плот при помощи деревянного якоря’; ЛМ – **соха** ‘деревянный якорь на плоту’;

наклубычить ‘закрыть кладку снопов верхним снопом’; ЛМ – **клубык** ‘сноп, закрывающий сверху кладку’;

пешать, пешать ‘прорубать во льду прорубь, лунку при помощи пешни’; ЛМ – **пешня** ‘род лома для рубки льда’.

Из приведенных примеров явствует, что данные лексемы, основанием для создания которых послужили наименования предметов, являющихся «участниками» процесса, позволяют с большей экономичностью использовать языковые средства, помогая избежать загромождающих речь описательных приемов объяснения того или иного действия. В противном случае высказывания типа: *Надо паром зарочить* (Мез, Погорелец), *Наклубычить суслон надо* (В-Т, Ухменьга) и т.п. – утратили бы ясность формулировки и стали бы более расплывчатыми и тяжеловесными.

Для диалектоносителя как носителя живого разговорного языка характерно стремление сделать свою речь более четкой и емкой. Материал свидетельствует, что это стремление подвигает говорящего, опираясь на существующие, бытующие в языке модели, создавать новые глагольные лексемы, отличающиеся необходимой емкостью и экспрессией. Так, в Архангельской области зафиксирован глагол **бережничать**, обозначающий процесс ловли рыбы, для объяснения специфики которого литературный язык использует следующее многословное описание: «*при ловле рыбы неводом: вести невод, идя по берегу*». ЛМ для возникновения данного слова послужила лексема **берег**, структурными мотиваторами (СМ) оказались глаголы **рыболовничать**, **охотничать**. Те же СМ могли послужить при создании таких единиц, как **будничать** ‘вести

будничный образ жизни' (ЛМ будни, будничный), тараканничать 'выводить тараканов в доме' (ЛМ таракан). Ср. также: байноваться 'мыться в бане' (ЛМ байна 'баня', СМ отмываться, намываться, умываться и т.п.), веслаться 'грести веслами' (ЛМ весло, весла, СМ махаться, толкаться), мошиться 'покрываться мхом' (ЛМ мох, СМ пылиться и т.п.), смежать 'разделять межой (о поле)' (ЛМ межа, СМ сбегать, срезать и т.п.).

Встречающиеся метатекстовые высказывания свидетельствуют об охотной актуализации говорящими отношений лексической мотивированности: *Воробили* льняную пряжу на *воробы* (Вил, Ильинская); *Это раньше поставят ворот и воротили* (Прим, Лопшеньга); *Ез езили раньше-то на реке* (Леш, Карашелье); *Дерево мошится – мохом об-растает* (Выт, Ларино); *В колхоз вошли, поля все смежали, межи копали* (Прим, Красная Гора). Прибегая к актуализации мотивационных отношений, диалектоноситель зачастую стремится посредством этого прояснить внутреннюю форму слова. Однако в основном приведенный иллюстративный материал представлен такими случаями лексической мотивации, когда отраженный в речи мотиват является единственным вариантом мотивировки лексемы, поэтому сложно разграничить коммуникативную функцию мотивации и функцию прояснения внутренней формы слова, в данном случае они как бы сливаются.

В некоторых случаях прослеживается утрата связи между той или иной единицей языка и словом, послужившим для нее лексическим мотиватором. Например, глагол векшать, отражающий процесс оставления белкой следов, не ассоциируется в сознании мотиватора со словом-мотиватом векша, ср.: *Белка векшает по снегу* (Пин, Кушкопала). Очевидно, произошла лексикализация внутренней формы глагола, возможно, по причине сужения ареала и снижения частотности употребления слова-мотивата векша, вытесненного общеязыковым белка.

Нередко мотивированные существительным названия действия в свою очередь сами становятся мотиватами для слов, обозначающих реалии, каким-либо образом связанные с означенными действиями: принимающие в них участие, являющиеся их результатом и т.п. Так, глагол бугрить (забугривать) в значении 'окучивать', имеющий в качестве лексического мотиватора слово бугор (мотивационное значение 'делать бугры', т. к. при окучивании земля приобретает *бугристость*, покрывается *буграми*), мотивирует лексему бугрилка 'тяпка'

(мотивационное значение 'то, чем бугрят'): *Бугрылкой бугрят картошку* (Котл, Черемуха). Глагол содомить 'кричать, шуметь, затевать перебранку, ссору', мотивируемый лексемой содом (ср.: содом 'беспорядок, шум, суматоха'⁴²), мотивирует лексему содомица 'кушанье из солода и ягод': *Кипришиху делали из этого солода, ягоды накладывают и хлебали, это содомица, содомят из-за нее* (Вил, Шиловский Починок).

Внутренняя форма слова всегда являлась объектом пристального внимания диалектоносителя. Он либо, как здесь уже упоминалось, актуализирует мотивационные отношения слов для прояснения их внутренней формы, либо ищет собственные возможные варианты их мотивационных связей, нередко опираясь при этом на образное восприятие и осмысление происходящего или производимого действия. Например, глагол норить 'тащить сеть подо льдом при зимнем лове рыбы' мотивирует лексему норилу 'шест, которым проталкивают сеть подо льдом при зимнем лове рыбы, т.е. *норят*'. В говорах появляется вариант нырило, устанавливающий связь с глаголом нырять, т.е. нырило 'шест, погружаемый, как бы *ныряющий* в воду, под лед'.

Так как отличительной чертой диалектной речи является ее конкретность, то многие глагольные единицы создаются под воздействием тех или иных конкретных образов. Встречающийся в говорах Архангельской области глагол зарубить 'отступить при отливе (о воде)' мотивационно связан с лексемами зарубка, рубец, поскольку во время отлива на берегу становится видна линия отлива, вода как бы делает зарубку, отмечающую эту линию: *Вода зарубила – так это когда чуть отлив начался, а на берегу рубчикок остался* (Мез, Долгощелье). Слово лиса выступает лексическим мотиватором глагола полисеть 'пожелтеть, порыжеть', мотивационное значение которого – 'стать рыжим, как *лиса*'.

Е.Б.Берг

Названия танцев *кадриль* и *лансье* в русских народных говорах

Словарный состав народных говоров, как и словарный состав литературного языка, включает исконно русскую лексику и заимствования. Заимствованная лексика в говорах в значительной степени является

---

⁴² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С.732.